

3. Какого человека считать человеком?

Человек, не поддающийся общезначимому определению, попадает в распоряжение любого произвольного понимания. Если есть исключаемое (человеческое), то должно быть и исключаяющее. В своей позитивной версии тоталитарная антропология, замещая целое частью, являет собой синекдоху. В нацистском монадохическом мышлении такой частью была раса. В сталинской империи, основывавшейся на гегелевском «снятии» противоречий, в том числе расовых, место универсального субъекта захватил строитель «социализма в одной, отдельно взятой стране», человек этатический. У подданных тех государств, которые соперничают с СССР, не хватает под этим углом зрения какого-то важного человекообразующего компонента, главным образом, интеллекта: «Американцы, — отчитывался Павленко после поездки в США, — любят тепло, в комнатах у них жарко, как в бане, хотя сами они сознают, что это вредно... Средний американец черпает из “карманного оглупителя” (имеется в виду «Ридерс Дайджест». — *И. С.*) остроты, политические сведения, анекдоты, популярные песни, исторические справки»¹⁷. Вершиной тоталитарной антропологической синекдохи было свертывание человеческого к индивидууму, к персоне вождя (Сталин — «самый человечный человек»).

Приобретая несобственное парциальное значение, человек вместе с тем теряет категорию собственного Другого, без которой он не в состоянии думать о родстве всех людей. Эта утрата более всего заметна там, где соцреализм ставит проблему

семьи¹⁸ — той среды, в которой у своего Другого появляются первые контуры. Соцреалистическое искусство либо фиксирует внимание на детях-сиротах (таков, скажем, Ваня Солнцев в повести Вал. Катаева «Сын полка» (1945); ср. также мотив пропавшего из дома ребенка в кинофильме Т. Н. Лукашевич «Подкидыш» (1940) — временного сироты); либо повествует о преждевременном конце младших членов семьи и неиссякаемости жизненной энергии у ее старших членов (в уже упоминавшемся романе «Скутаревский» отец, даже несмотря на провал его научных экспериментов, одерживает моральную победу над сыном-самоубийцей); либо, напротив, героизирует подростка, посылающего на муку своего родителя (история Павлика Морозова); либо полагает образцовым поведение жены, которая предает мужа (пьеса К. Тренева «Любовь Яровая», 1926)¹⁹.

Отказ тоталитаризма от категории своего Другого отразился не только на его подходе к семье, но и — вполне закономерно — на отношении к природной ипостаси человека. Никакой биологической оборотной стороны у человека нет. Тот, кто настаивает на противоположном, в соцреализме дискредитируется. Положительный герой романа Ажаева «Далеко от Москвы» (1948), Беридзе, сообщает о враче-самоубийце Родионове: «Мы... просматривали тетрадки Родионова с записями... Этот, с позволения сказать, доктор занимался “научными исследованиями”, сочинял бредовые теории. В одной из теорий он убеждает, будто все человеческое в человеке есть непрочная оболочка, а сущность де его — звериные инстинкты»²⁰.